

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF MODERN CRIME COUNTERACTING

Научная статья

УДК 343.9.01

EDN VLNTPN

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).429-438

КРИМИНАЛЬНЫЕ СЕРИАЛЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М.П. Клеймёнов^{1, 2}, И.М. Клеймёнов³

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация

² Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

³ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

8 июля 2022 г.

Дата принятия в печать

31 августа 2022 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2022 г.

Ключевые слова

Криминальные сериалы;
криминалитет; сотрудники
правоохранительных органов;
нигилизм; имидж силовых структур;
самосуд; общинное правосудие

Аннотация. В настоящей статье предлагается криминологический взгляд на сериалы о криминалитете и тех, кто должен бороться с преступностью, которые демонстрируются в прайм-тайм и продолжают долго жить после их премьерного показа. В культурологическом измерении криминальные сериалы новой России демонстрируют явную деградацию, выраженную в героизации тех, кого Ф.М. Достоевский называл «убийцей и проституткой». В бесцеремонном выходе за «красные флажки» нравственных запретов заложен большой смысл — репрезентация идеологии нигилизма и вседозволенности, расчеловечивания личности. Для российских криминальных сериалов характерны подражание Западу, пропаганда западной клубной культуры, которая невозможна без наркотиков. При этом зрителю настойчиво внушается мысль, что наркобизнес находится под покровительством коррумпированных сотрудников правоохранительных органов. Криминальные сериалы зачастую явно или неявно нацелены на формирование отрицательного имиджа правоохранительных органов: полицейские не только занимаются «крышеванием» бизнеса, но и сами совершают предумышленные преступления; прокуроры, как правило, поддерживают тесные связи с криминалитетом, а таможенники — с контрабандистами. На негативную картинку, создаваемую телесериалами, накладываются и многочисленные юридические ляпы. Бесчисленные искажения российского законодательства вкупе с типичной готовностью служителей закона его нарушать формируют у некоторой части населения представление о допустимости самосуда и «справедливой мести». Относительное число сочувствующих идее самосуда является высоким и достаточно стабильным. Это явный симптом патологии социального организма, указывающий на то, что в нем происходят процессы дезорганизации легитимной власти. Такие процессы в исследованиях некоторых научных работников получают положительную оценку — как проявления юридического плюрализма и общинного правосудия. Здесь усматривается попытка легализации архаичных форм разрешения конфликтных ситуаций в обществе. Современный опыт распада государств свидетельствует, что, когда государство перестает быть регулятором определенных сфер общественной жизни, его место в этих сферах в конечном итоге занимает криминал. Противостоять этому можно, только укрепляя государственность на конституционных основах.

Original article

CRIME SERIES OF MODERN RUSSIA: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Mikhail P. Kleymenov^{1, 2}, Ivan M. Kleymenov³

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, the Russian Federation

³ North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2022 July 8

Abstract. The authors provide a criminological view on series about criminals and those who should counteract them, which are broadcast in primetime and continue to be popular for a long time after their premiers. From the culturological standpoint,

Accepted

2022 August 31

Available online

2022 September 30

Keywords

Crime series; criminality; law enforcement officers; image of law enforcement agencies; nihilism; vigilante justice; community justice

crime series in new Russia demonstrate an evident degradation, manifested in the glorification of those whom Fyodr M. Dostoyevsky called «murderers and prostitutes». The unceremonious crossing of the «red line» of moral prohibitions is highly meaningful — it represents the ideology of nihilism, permissiveness, and dehumanization of a person. A typical feature of Russian crime series is copying the West, and propaganda of Western club culture that is unimaginable without drugs. It is persistently impressed upon the viewers that drug-dealing business is protected by corrupt law enforcement officers. Crime series are often either explicitly or implicitly aimed at creating a negative image of law enforcement agencies: police officers do not only «protect» the business, but commit intentional crimes; prosecutors, as a rule, have close links with criminals, and customs officers — with smugglers. The negative picture presented by the series is aggravated by numerous legal blunders. Endless distortions of Russian legislation together with a typical readiness of servants of the law to violate it give some people the idea that vigilante justice and righteous revenge are admissible. The relative number of people sympathizing with the idea of vigilante justice is high and rather stable. It is an obvious symptom of the pathology of social organism indicating that the processes of the de-organization of legitimate power are under way. Some scholars assess such processes positively in their research, as manifestations of legal pluralism and community justice. It is an attempt to legalize the archaic forms of resolving conflicts in society. Modern experience of the break-up of states shows that when the state ceases to be the regulator of certain spheres of public life, its place is eventually taken by criminals. It is only possible to counteract this by strengthening the state power on the constitutional basis.

Введение

В 1991 г. в России произошли события, которые знаменитый российский кинорежиссер С. Говорухин назвал «великой криминальной революцией» [1], а политик Е. Гайдар — обменом власти на собственность и великими демократическими преобразованиями [2]. Однако и он признавал, что в основе этих преобразований находится парадигма первоначального накопления капитала, который в классическом виде наживается преступным путем. Дав возможность создать такие капиталы, государство затем должно обеспечить их неприкосновенность — это принципиально. Е.Т. Гайдар прямо утверждал: «Для того чтобы созданные и вновь образующиеся состояния работали в России, стали ферментом роста ее экономики, необходимы два важнейших условия стабильности: устойчивая валюта и надежные гарантии неприкосновенности частной собственности безотносительно к властным или криминально-силовым возможностям ее владельца» [там же, с. 143]. Дальнейшие события: распад СССР, мошенническая приватизация 1991–2004 гг. [3–5], катастрофическое разрушение производства [6] — показали, что революция свершилась и социалистические общественные отношения были оперативно заменены криминальным капитализмом, фундаментальным принципом которого является получение сверхприбыли любой ценой. Поскольку это была «революция сверху», то представители элиты об этом прямо не говорили, скрывая свои

намерения за обещаниями повысить жизненный уровень населения. Это закономерно актуализировало потребность в манипулировании массовым сознанием, в механизме которого важное место отдается телесериалам.

Этиология сериала как средства манипулирования связана с рыночными отношениями. Здесь с самого начала (с появления в США мыльной оперы «Faraway Hill» в 1946 г.) [7] прослеживается концентрация интересов рекламного бизнеса и производителей телепродукции. Однако по мере развития этого жанра и распространения его по всему миру были осознаны и другие возможности сериалов, которые с различных точек зрения могут рассматриваться как успехи или неудачи. В настоящей статье предлагается криминологический взгляд на сериалы, который определяет (по крайней мере, в первом приближении) предмет исследования — сериалы о преступниках, их жизни и месте в обществе, а также о тех, кто призван бороться с преступностью, обеспечивать общественную и национальную безопасность, защищать граждан от преступных посягательств, об исполнении ими служебного долга, верности присяге и готовности следовать установленным принципам уголовной юстиции. Если в двух словах, то это сериалы про бандитов и ментов, жуликов и полицейских, гангстеров и копов.

Методология

Методология такого криминологического исследования опирается на культурологический

подход, на теорию манипулирования массовым сознанием, включая использование суггестивных технологий [8–10]. В июне 2022 г. нами проведен онлайн-опрос российских граждан о влиянии отечественных криминальных сериалов на сознание молодежи¹.

В СССР к телевизионным сериалам этого жанра относятся «Следствие ведут ЗнаТоКи» (по имени трех главных героев), «Рожденная революцией», «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», «Приключения принца Флоризеля». Их отличительной чертой были близость к реальности (или авторскому тексту, когда речь шла об экранизации произведений А. Конан Дойла или Р. Стивенсона); прекрасная режиссура и великолепная игра актеров, воспитанных русской драматической школой; а главное — наличие идеологемы, согласно которой добро сильнее зла и побеждает его, справедливость торжествует, а утверждают ее «рыцари без страха и упрека».

В культурологическом измерении криминальные сериалы новой России демонстрируют явную деградацию, выраженную в падении советского кинематографа, который под предлогом гласности героизировал тех, кого Ф.М. Достоевский называл «убийцей и проституткой». Но если великий писатель их жалел и подводил к черте покаяния, то советское кино конца 1980-х — начала 1990-х гг. «убийца и проститутку» реабилитировало, отменило их греховность, сделало лицом перестройки, тем самым нарушив границы отечественного кинематографа, который в мировой культуре был, несомненно, элитарным. «Проститутка, сидящая у портрета Сталина и курящая марихуану, — вот комическая формула кинематографа периода гласности, нарушившая множество табу брежневской эры» [11, с. 75].

В таком бесцеремонном выходе за «красные флажки» нравственных запретов, очевидно, заложен большой смысл — репрезентация идеологии нигилизма и вседозволенности, расчеловечивания личности. С разрушения внутренне-

го мира (сознания и самосознания) начинается процесс падения человека, общества и государства. Именно об этом говорил герой «Собачьего сердца» профессор Преображенский в своем монологе о разрухе [12, с. 215–216]. Целая линейка криминальных сериалов погружает зрителя в мир, где царят насилие и жестокость, наркотики, секс, предательство и вседозволенность («Бригада», «Спец», «Банды», «Качели», «Закон каменных джунглей», «ЮЗ33»). Их направленность на молодежную аудиторию, которой они предлагают «путь наверх» через торговлю наркотиками, заказные убийства, рэкет и мошеннические комбинации, не только безнравственна, но и социально опасна. И если сериал «Спец», снятый членами преступной организации Уссурийска, убежденными, что главное в кино — это натурализм, характеризует ограниченность его авторов и создан для таких же невзыскательных потребителей, то иное дело — сериал «Бригада», который являет собой самую настоящую идеологическую диверсию. Если «Спец» показывает убожество персонажей и его создателей, наивно решивших, что много денег позволяет открыть двери в заповедную область киноискусства, то «Бригада» стала культовым фильмом для двух поколений молодежи. Этот сериал, как показывает проведенный опрос, посмотрели наибольшее число респондентов (41,3 %), что значительно выше, чем число просмотревших другие телефильмы («Бандитский Петербург» — 29,7 %, «Улицы разбитых фонарей» — 25,1 %, «Мажор» — 25,1 %, «Ментовские войны» — 12,3 %, «Тайны следствия» — 12,3 %).

Качественный актерский ансамбль (объединивший советское и постсоветское поколения актеров), профессиональный подход к написанию сценария (актер, каскадер и продюсер А. Иншаков обеспечил контакты авторского коллектива с криминалитетом), узнаваемость событийной канвы (при сравнении сюжетной линии с реальной жизнью) — все это не только гарантировало зрительский успех, но и заполнило пустующую нишу героя-современника.

Такого героя вызывает к жизни эпоха, историческое предназначение и цивилизационная миссия страны. Его предназначение — быть примером для подражания. Камертоном здесь являются слова Томаса Карлейля: «Я думаю, что уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истин-

¹ Опрошено 326 респондентов. Из них: мужчин — 46,8 %, женщин — 53,2 %; лиц в возрасте 18–25 лет — 34,9 %; 26–30 — 19,2 %, 31–40 — 15,4 %, 41–50 — 15,5 %, 51–60 — 7,7 %, 61 года и старше — 7,3 %; студентов — 26,3 %, рабочих — 10,2 %, пенсионеров — 10,2 %, инженерно-технических работников — 8,6 %, индивидуальных предпринимателей — 8,5 %, юристов — 7,2 %, государственных служащих — 6,6 %, педагогических работников — 6,3 %, медицинских работников — 5,8 %, военнослужащих — 5,2 %, сотрудников правоохранительных органов — 5,1 %.

ным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений» [13, с. 121]. Героя как социальный тип эксплицируют литература и искусство, в особенности искусство кино, которое делает героя живым. В советское время это были Павлик Корчагин (шесть серий экранизации романа Н. Островского «Как закалялась сталь») и Глеб Жеглов (пять серий экранизации романа братьев Вайнеров «Эра милосердия»). Сериал «Бригада» предложил молодым людям постсоветской России в качестве героя нового времени Сашу Белого.

Александр Белов (Саша Белый) за несколько лет превратился из обычного юноши (честно отдавшего долг Родине в рядах Советской Армии) в лидера преступной группировки, члены которой торгуют наркотиками и оружием, совершают убийства и другие преступления. Внешность лидера и его друзей (имеющих «погоняла» Коса, Фила и Пчелы), их пафосная «крутость», модный прикид, свобода действий и вседозволенность создают образ успешных парней. Они богатые и обладают властью, но главное — всего этого они добились сами, не тратя времени на нудную учебу и попытки достичь успехов в легальной социальной среде. Этот посыл создает иллюзию, что такая карьера доступна всем, у кого нет богатых родителей, а значит, большинству молодых людей. Таким образом, происходит тотальная криминализация сознания молодежи, в котором главное — богатство и известность, а не средства их достижения, татуировки — это модно и круто, секс — не повод для знакомства. «Бонни и Клайд» вытесняют «Валентина и Валентину».

Прошло уже 20 лет со времени создания сериала «Бригада». Но и современная молодежь сочиняет хип-хоп про его главного героя. В 2021 г. группа «Dead Blonde» выпустила трек — оду Саше Белому. В социальной сети «Тик Ток» зарегистрировано более ста фан-клубов сериала «Бригада».

Саша Белый является бесспорным фаворитом и среди респондентов нашего опроса. Как персонажа, вызывающего зрительские симпатии, его упомянули четверть опрошенных (25,2 %), а его друзей — еще 11,2 %. По своей популярности Белый, Кос, Фил и Пчела в 2,2 раза опережают героев других сериалов, вместе взятых (Романа Шилова, Марию Швецову, Глеба Жеглова и др.).

При этом фанаты телесериала забывают про его финал, где молодые и красивые Кос,

Фил и Пчела лежат в гробах, и совершенно игнорируют то, что Саша Белый и его друзья по понятиям криминальной среды должны быть отнесены к категории «гадов», поскольку работают под «крышей» спецслужбы. Героя идеализируют, его недостатки не замечают, ему все прощают. По материалам проведенного нами анкетирования, 48,2 % респондентов согласились с утверждением, что лучшие отечественные криминальные сериалы романтизируют образ преступника, делая его симпатичным и притягательным. Не согласились с ним 37,2 % опрошенных, остальные уклонились от ответа.

Можно возразить, что настоящий герой-современник — это тот, кто совершает подвиги на полях сражений. И это правда. Опросы социологов показывают, что поколения молодых людей выделяют такие качества, характерные для героев, как самоотверженность, готовность к подвигу и самопожертвованию, мужественность, патриотизм [14]. Однако это идеальные представления, которые к тому же имеют ярко выраженный групповой характер. В этом контексте Саша Белый — герой для социальной страты социально запущенных тинейджеров, лишенных значимой жизненной перспективы в легальной среде и готовых обрести ее в криминальном обществе. Они многочисленны, а их ценности и образ жизни хорошо показаны в сериале «Ю333», где нецензурная брань соседствует с потреблением наркотиков, увлечением рэпом, тусовками в виде оргий и стремлением уехать в США.

Ненормативная лексика, столь популярная среди подрастающего поколения России, является наиболее заметным свидетельством процесса ее деградации, и трудно не заметить, что этот процесс моделируется в рамках общей неолиберальной парадигмы реабилитации социальной патологии (формирования «новой нормальности»). И здесь важная роль отведена героям криминальных сериалов, которые изощренно матерятся («В клетке», «Без правил»), копируя стиль западных боевиков.

Для российских криминальных сериалов вообще характерны подражание Западу, преклонение перед Западом, пропаганда западной клубной культуры. Во многих из них можно увидеть подражание голливудским фильмам «Крестный отец», «Однажды в Америке», «Клан Сопрано», «Казино», «Ваша честь». Наиболее успешные (подразумевается) персонажи уезжают на постоянное место жительства в США и страны Западной Европы. И редкий сериал об-

ходится без демонстрации клубной культуры с танцполом, заполненным дергающейся массовой, и стриптизершами в обнимку с пилонами. Между тем, по свидетельству исследователя и знатока клубной культуры Фила Джексона, клуббинг невозможен без кокаина, экстази и других наркотиков [15]. В отечественных сериалах это признается («Невский», «Высокие ставки», «Шеф»), причем зрителю настойчиво внушается мысль, что наркобизнес находится под покровительством коррумпированных сотрудников правоохранительных органов.

Тема коррупции для отечественных криминальных сериалов является органичной. Продаются и покупаются все: чиновники местного и федерального уровней, служащие полиции, Федеральной таможенной службы, прокуратуры, уголовно-исполнительной системы и другие должностные лица, призванные защищать конституционный правопорядок. И только отдельные сотрудники демонстрируют неподкупность, но им приходится нелегко, поскольку они вступают в схватку с коррумпированной системой и становятся жертвами изоощренных провокаций и «подстав» со стороны своих коллег («Ментовские войны», «Внутреннее расследование», «Брат за брата»). В этой связи интересно, каким образом среднестатистический зритель воспринимает такую информацию — как отражение реальности или художественный вымысел? На соответствующий вопрос «Как большинство криминальных сериалов изображает действительность?» были получены ответы:

- достоверно — 13,6 %;
- отчасти достоверно — 39,9 %;
- затрудняюсь ответить — 15,3 %;
- искаженно — 25,4 %;
- крайне искаженно — 5,8 %.

Как видим, в большинстве своем респонденты полагают, что в криминальных сериалах действительность показывается достаточно достоверно. Учитывая, что наиболее талантливые сценаристы (М. Есаулов, А. Константинов, А. Тумаркин) опираются на опыт практических работников, имеют доступ к инсайдерской информации о деятельности правоохранительных органов, можно констатировать, что многосезонные криминальные сериалы довольно правдиво изображают изнанку правоприменительной деятельности. Другое дело, какой главной идее служат профессионалы — создатели сериальной продукции — рыночно-рейтинговой или обличительно-реформистской. С нашей точки

зрения, первая идея превалирует, потенциал второй близок к нулю, поскольку за разоблачением должно следовать справедливое наказание. При его отсутствии порочная система не реформируется, а утверждается и все более укрепляется.

Нередко в сериалах фигурирует образ «оборотня в погонах», «продажного полицейского», «продажного прокурора». В этой связи мы обратились к респондентам с просьбой оценить, как много таких сотрудников правоохранительных органов в реальности. Получены такие ответы:

- абсолютное большинство — 6,4 %;
- большинство — 22,7 %;
- затрудняюсь ответить — 23,1 %;
- меньшинство — 39,5 %;
- абсолютное меньшинство — 8,3 %.

Приведенные суждения указывают на то, что добрая половина зрительской аудитории довольно критично оценивает навязываемый образ тотального вырождения системы правоохранительных органов. И это разрушает представление об абсолютной внушаемости зрительской аудитории, которое, очевидно, сформировано у менеджеров средств массовой информации.

В то же время законы капитализма диктуют, что главное — это получение прибыли. Создатели сериалов сами действуют в этой парадигме и эксплицируют ее на героев своей продукции. В криминальных сериалах нередко утверждается, что профессиональная деятельность (решение вопросов возбуждения и прекращения уголовных дел, их развала и др.) для многих сотрудников правоохранительных органов стала бизнесом. На просьбу оценить, в какой мере это соответствует действительности, респонденты высказали следующие суждения:

- в полной мере — 6,8 %;
- частично — 37,7 %;
- затрудняюсь ответить — 31,3 %;
- совсем не соответствует — 24,2 %.

В этих суждениях выражена тревога, что капиталистические отношения проникают в поведенную область уголовно-процессуального регулирования, что в целом оказывает разрушительное воздействие на конституционный режим законности и правопорядка.

Тревога усматривается и при анализе ответов на вопрос: «Крышевание» чужого бизнеса сотрудниками правоохранительных органов — это правило, как показывается в сериалах, или исключение?». На вопрос получены ответы:

- скорее правило — 35,6 %;
- скорее исключение — 36,8 %;
- затрудняюсь ответить — 27,6 %.

Как видим, опрашиваемая аудитория (за исключением тех, кто уклонился от ответа) разделилась практически поровну: первая половина полагает, что «крышевание» чужого бизнеса сотрудниками правоохранительных органов является скорее правилом, а вторая половина — скорее исключением. Интерпретация этих сведений имеет отношение к мироощущению — пессимистическому (стакан наполовину пуст) или оптимистическому (стакан наполовину полон). Думается, что оптимизм здесь неуместен, поскольку его выражение в данном случае будет означать одобрение коррупции в правоохранительных органах. Подобный оптимизм просматривается в сюжете некоторых криминальных сериалов («Реализация»).

Поскольку рыба гниет с головы, то в некоторых криминальных сериалах настойчиво проводится мысль, что честный полицейский — редкое явление даже среди рядовых сотрудников и он практически не встречается среди их начальников. Респонденты оценили эту мысль следующим образом:

- полностью согласен — 12,1 %;
- скорее согласен, чем не согласен, — 26,8 %;
- затрудняюсь ответить — 14,3 %;
- скорее не согласен, чем согласен, — 29,0 %;
- полностью не согласен — 17,8 %.

При анализе полученных ответов обращает на себя внимание относительное число несогласных (46,8 %), поскольку указанная мысль является откровенно тенденциозной. Недавно вышедший на экраны телесериал «Киллер» в этом смысле является образцовым: начальник Управления МВД России по небольшому городу покрывает преступления банды наркоторговцев и убийц, хотя ему откровенно проще было эту банду уничтожить. В целом можно констатировать, что содержание криминальных сериалов с каждым годом становится все более «разоблачительным», напоминая охоту на ведьм. Если в криминальных сериалах девяностых и нулевых годов показывали, как правило, только продажных «ментов», то затем стали все активнее «разоблачать» работников прокуратуры и даже сотрудников Федеральной службы безопасности («Профессионал», «Игра на выбывание»).

Нагнетание негатива в отношении работы системы правоохранительных органов дает свои плоды, что усматривается из комплексно-

го анализа ответов на заданные вопросы. Если их суммировать, то получается, что эта система, по существу, является собственным антиподом, она стремится к достижению латентных целей, которые имеют криминальный и криминогенный характер. Строго говоря, криминальные сериалы зачастую явно или неявно нацелены на формирование отрицательного имиджа правоохранительных органов. В подтверждение сказанного сошлемся на результаты проведенного нами анкетирования. С суждением «Отечественные криминальные сериалы дискредитируют правоохранительные органы, показывая распространенность в их среде коррупции и нарушений закона» согласились 42,1 % респондентов, не согласились — 44,2 %, остальные затруднились с ответом.

Надо признать, что правоохранительные органы мало что делают для укрепления своего имиджа. Здесь требуется организация системной работы, включая создание механизма заказа и финансирования криминальных телесериалов, а также их консультирования специалистами, имеющими практический опыт борьбы с преступностью, знающими Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, которое должно быть обязательным элементом кинопроизводства. Попытки подменить такую работу «внутренними» оценками успешности своей деятельности доверия не вызывают [16].

На негативную картинку, создаваемую телесериалами, накладываются и многочисленные юридические ляпы, которые зачастую приводят в изумление не только лиц, имеющих образование по специальностям «юриспруденция» или «правоохранительная деятельность», но и простых обывателей. В таких сериалах следователи Следственного комитета РФ обряжаются в форму полицейских и выполняют указания начальника отдела полиции, а этот начальник беспрекословно выполняет приказы прокурора; участковый уполномоченный полиции принимает решение о проведении обыска, а следователь — о заключении подозреваемого под стражу; полковник полиции отбывает наказание в исправительной колонии вместе с уголовниками, причем своими «крестниками». Оперативно-розыскная деятельность изображается так, как будто нет ни Уголовно-процессуального кодекса, ни Закона об ОРД. Уголовный кодекс РФ вообще не принимается во внимание сценаристами, настолько вольно приводятся героями сериалов ссылки на действующие уго-

ловно-правовые нормы. В этом плане знание криминального законодательства отечественными сценаристами и продюсерами мало чем отличается от дремучих познаний их голливудских коллег, для которых Сибирь равнозначна каторге или тюрьме, где убийство — это просто способ выжить.

На вопрос «Насколько часто, на Ваш взгляд, в сериалах допускаются юридические ляпы?» респонденты ответили:

- часто — 64,2 %;
- редко — 14,9 %;
- не обращал внимания — 20,9 %.

Как видим, здравый смысл населения по критерию юридической грамотности превосходит специальные познания создателей криминальных сериалов.

Бесчисленные искажения в криминальных сериалах российского законодательства вкупе с типичной готовностью служителей закона его нарушать формируют у некоторой части населения представление о допустимости самосуда и «справедливой мести». Сюжет о бессилии закона перед криминальной властью и восстановлении справедливости путем внесудебной расправы является очень популярным в голливудских фильмах («Жажда смерти», «Мститель», «Каратель», «Убийца», «Во имя справедливости», «Джек Ричер» и др.). В России эта идея ярко воплощена в фильме «Ворошиловский стрелок» и получила продолжение в сериалах «Белая стрела», «Белая стрела. Возмездие», «Меч», «Меч-2». Она находит одобрение среди некоторой части населения. Мы обратились к респондентам с таким вопросом: «В сериале «Меч» рассказывается о группе сотрудников правоохранительных органов, взявших на себя миссию карать преступников без суда, находящих оправдание внесудебным расправам в бессилии правосудия. В какой мере, на Ваш взгляд, идея самосуда находит отклик в симпатиях зрителей?» Были получены следующие ответы:

- находит в полной мере — 12,8 %;
- находит частично — 30,5 %;
- совсем не находит — 34,5 %;
- не задумывался, мне все равно, было бы интересно — 22,2 %.

Десятью годами ранее мы проводили опрос по проблемам правосудия, в котором принял участие 691 чел. Им был задан аналогичный вопрос: «В кинофильме «Ворошиловский стрелок» главный герой прибегает к самосуду. Как вы относитесь к возможности самосуда, когда

официальное правосудие оказывается бессильным?» Ответы распределились таким образом:

- сугубо отрицательно — 14,0 %;
- скорее отрицательно, чем положительно, — 23,3 %;
- затрудняюсь ответить — 23,7 %;
- скорее положительно, чем отрицательно, — 33,4 %;
- сугубо положительно — 5,6 %.

Как видим, относительное число сочувствующих идее самосуда является высоким (около 40 %) и достаточно стабильным. Это явный симптом патологии социального организма, указывающий на то, что в нем происходят процессы дезорганизации легитимной власти.

Такие процессы с криминологико-правовой точки зрения явно нежелательны, хотя в исследованиях некоторых научных работников они получают положительную оценку — как проявления настроений общинного правосудия. Например, екатеринбургский историк П.И. Костогрызов относит общинное правосудие к проявлениям юридического плюрализма [17]. Такое суждение свидетельствует о юридической некомпетентности автора, что он подтверждает собственной дефиницией правосудия: «Правосудие — общественное благо, которое состоит в разрешении правовых споров в соответствии с принципом справедливости путем принятия постановлений, имеющих обязательную силу» [18, с. 96]. Для специалиста, знающего теорию и историю государства и права, конституционное право и судопроизводство, подобные определения юридически несостоятельны, поскольку правосудие не может быть обезличенным. Правосудие есть государственная функция и осуществляется только судом [19]. Здесь усматривается попытка легализации архаичных форм разрешения конфликтных ситуаций в обществе. С позиций развития науки она выдает тренд движения назад, в прошлое, в те времена, когда государство только оформлялось, что, по существу, есть оправдание практик линчевания, внесудебных расправ и кровной мести, где бы и в какие времена они ни происходили [20–22]. С точки зрения современной государственности архаизация общественных отношений означает кризис, распад, приводящий к состоянию, обозначаемому терминами «слабое государство», «несостоявшееся государство» [23–25]. Обычно распад государственности сопровождается криминализацией общественных отношений — возникает криминальное государство [26; 27]. Появление общинного правосудия

в настоящее время есть не что иное, как признак разрушения государственности. Но главное — современный опыт распада государств свидетельствует, что, когда оно перестает быть регулятором определенных сфер общественной жизни, его место в этих сферах в конечном итоге занимает криминал. «Общинное правосудие» превращается в фикцию, ибо осуществление насилия без государства и вне государства всегда приводит к произволу, жестокости и садизму. В телевизионном пространстве это хорошо показано в сериале «Нарко: Мексика», а в реальной жизни мы это видим на примере нацистских объединений Украины, которым государство делегировало право на насилие.

«Плюрализм» общинного правосудия выражается в том, что его охотно берут на вооружение крайне правые организации, и здесь идея самосуда получает свое законченное выражение в массовых казнях и внесудебных расправах во имя той «справедливости», как ее понимают латиноамериканские парамилитарес [28] или украинские нацисты. Противостоять этому можно, только укрепляя государственность на конституционных основах. Телевещание в различных форматах должно служить этой главной цели, и государству — в своих собственных интересах — важно обеспечить контроль за этим.

Заключение

Криминальные сериалы в современной России в плане их идеологии, содержания и

воздействия на массовое сознание в целом заслуживают негативной оценки. Они не несут в себе того поучительного заряда для зрителей, продемонстрированного, например, зарубежным сериалом «Во все тяжкие», где показано закономерное превращение простого обывателя в изощренного убийцу, когда он становится на путь совершения преступлений, неизбежно попадая в криминальную систему, выходом из которой является только смерть.

Анализируемая ситуация может и должна быть исправлена путем создания государственного института цензуры средств массовой информации (по факту цензура есть, только она осуществляется в частных интересах финансовыми механизмами). На вопрос «Нужна ли цензура кино- и телесериальной продукции?» 48,2 % респондентов ответили утвердительно, 40,3 % — отрицательно, остальные уклонились от ответа.

Необходимо также обеспечить императивное юридическое консультирование при создании соответствующей кино- и телепродукции.

Все это потребует внесения соответствующих коррективов в закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. Подобные поправки уже осуществляются², их необходимо поддержать и продолжить.

² О средствах массовой информации : закон РФ от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 : (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.) // Российская газета. 1992. 8 февр. ; Там же. 2021. 18 июня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говорухин С.С. Великая криминальная революция / С.С. Говорухин. — Москва : Андреев. флаг, 1993. — 126 с.
2. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция / Е.Т. Гайдар. — Москва : Евразия, 1995. — 206 с.
3. Степашин С.В. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы / С.В. Степашин. — Москва : Олита, 2004. — 185 с.
4. Лисичкин В.А. Черная приватизация / В.А. Лисичкин. — Москва : Алгоритм, 1997. — 140 с.
5. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России / П. Хлебников. — Москва : Детектив-Пресс, 2001. — 379 с.
6. Глазьев С.Ю. Белая книга. Экономические реформы 1991–2001 гг. / С.Ю. Глазьев, С.Г. Кара-Мурза, С.А. Батчиков. — Москва : Алгоритм, 2003. — 366 с.
7. Weinstein D. The Forgotten Network: DuMont and the Birth of American Television / D. Weinstein. — Philadelphia : Temple Univ. Press, 2004. — 240 p.
8. Библик О.Н. Культурологический подход в криминологии / О.Н. Библик. — EDN NAXJDV // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2010. — № 3. — С. 179–190.
9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2006. — 832 с.
10. Батова М.А. Суггестивные приемы кинодраматургии: запрет и тайна / М.А. Батова. — DOI 10.25136/2409-8744.2020.1.31706. — EDN UQYSJR // Человек и культура. — 2020. — № 1. — С. 123–129.
11. Boym S. Post-Soviet Cinematic Nostalgia: from Elite Cinema to Soap Opera / S. Boym // Soviet & Eastern European Cinema. — 1995. — Vol. 17, № 3. — P. 75–84.
12. Булгаков М.А. Собачье сердце : повести / М.А. Булгаков. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.
13. Карлейль Т. Герои и героическое в истории / Т. Карлейль. — Москва : Эксмо, 2006. — 864 с.
14. Кузнецова О.В. Социальные представления о «герое нашего времени» у студентов разной профессиональной направленности / О.В. Кузнецова. — DOI 10.11621/npj.2018.0313. — EDN YPELMT // Национальный психологический журнал. — 2018. — № 3. — С. 139–147.

15. Джексон Ф. Клубная культура / Ф. Джексон. — Москва : У-Фактория, 2005. — 336 с.
16. Мордвинов К.В. Имидж правоохранительных органов: актуальное состояние и практики его улучшения / К.В. Мордвинов, У.А. Удавихина. — DOI 10.22394/2686-7834-2021-3-53-60. — EDN KHCEFZ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2021. — № 3. — С. 53–60.
17. Костогрызов П.И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки / П.И. Костогрызов. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 219 с.
18. Костогрызов П.И. Общинное правосудие / П.И. Костогрызов. — DOI 10.23951/2307-6119-2019-3-25-94-103. — EDN BOQEVH // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2021. — № 3. — С. 93–103.
19. Банников И.А. Понятие правосудия / И.А. Банников. — EDN YRRUCT // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. — 2017. — № 1. — С. 130–137.
20. Miller R.M. Lynching in America: Some Context and Few Comments / R.M. Miller // *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. — 2005. — Vol. 72, № 3. — P. 275–291.
21. Смирнов А.М. Самосуд в России / А.М. Смирнов. — Москва : Юрлитинформ, 2013. — 384 с.
22. Мартыненко Б.К. Неправовые явления: кровная месть, самосуд / Б.К. Мартыненко. — EDN PYTRTF // Общество и право. — 2012. — № 3. — С. 34–37.
23. Aman Shahida. Understanding 'Failed States' and 'State Failure': Discourses and Limitations / Aman Shahida, Aman Shagufta // *Pakistan Horizon*. — 2015. — Vol. 68, № 2. — P. 95–118.
24. Mazarr M.J. The Rise and Fall of the Failed-State Paradigm: Requiem for a Decade of Distraction / M.J. Mazarr // *Foreign Affairs*. — 2014. — Vol. 93, № 1. — P. 113–121.
25. Yoo J. Fixing Failed States / J. Yoo // *California Law Review*. — 2011. — Vol. 99, № 1. — P. 95–150.
26. Клейменов И.М. Криминальное государство: введение в проблему / И.М. Клейменов. — EDN RXMLAV // Вестник Омского государственного университета. Сер.: Право. — 2013. — № 4. — С. 127–136.
27. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / Е.Г. Пономарева // *De Conspiratione*. — 2019. — С. 331–522.
28. Correa-Cabrera G. Losing the Monopoly of Violence: The State, a Drug War and the Paramilitarization of Organized Crime in Mexico (2007–10) / G. Correa-Cabrera, M. Keck, J. Nava // *State Crime Journal*. — 2015. — Vol. 4, № 1. — P. 77–95.

REFERENCES

1. Govorukhin S.S. *The Great Criminal Revolution*. Moscow, Andreevskii flag Publ., 1993. 126 p.
2. Gaidar E.T. *The State and Evolution*. Moscow, Evraziya Publ., 1995. 206 p.
3. Stepashin S.V. *An Analysis of the Processes of Privatization of State Property in the Russian Federation in 1993–2003*. Moscow, Olita Publ., 2004. 185 p.
4. Lisichkin V.A. *Black Privatization*. Moscow, Algoritm Publ., 1997. 140 p.
5. Khlebnikov P. *Kremlin's Godfather Boris Berezovsky or the History of the Plunder of Russia*. Moscow, Detektiv-Press Publ., 2001. 379 p.
6. Glaz'ev S.Yu., Kara-Murza S.G., Batchikov S.A. *The White Book. Economic Reforms of 1991–2001*. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 366 p.
7. Weinstein D. *The Forgotten Network: DuMont and the Birth of American Television*. Philadelphia, Temple University Press, 2004. 240 p.
8. Bibik O.N. The Culturological Approach in the Criminology. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2010, no. 3, pp. 179–190. (In Russian). EDN: NAXJDV.
9. Kara-Murza S.G. *Manipulation of Consciousness*. Moscow, Ehksmo Publ., 2006. 832 p.
10. Batova M.A. Suggestive Techniques of Screenwriting: Taboo and Unpredictability. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*, 2020, no. 1, pp. 123–129. (In Russian). EDN: UQYSJR. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31706.
11. Boym S. Post-Soviet Cinematic Nostalgia: from Elite Cinema to Soap Opera. *Soviet & Eastern European Cinema*, 1995, vol. 17, no. 3, pp. 75–84.
12. Bulgakov M.A. *Heart of a Dog*. Moscow, Ehksmo Publ., 2020. 320 p.
13. Karleil' T. *Heroes and the Heroic in History*. Moscow, Ehksmo Publ., 2006. 864 p.
14. Kuznetsova O.V. Social Representations about «The Contemporary Hero» in Students of Different Career Choice. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2018, no. 3, pp. 139–147. (In Russian). EDN: YPELMT. DOI: 10.11621/npj.2018.0313.
15. Jackson P. *Inside Clubbing*. New York, Berg Oxford, 2004. (Russ. ed.: Jackson P. *Inside Clubbing*. Moscow, U-Faktoriya Publ., 2005. 336 p.).
16. Mordvinov K.V., Udavikhina U.A. The Image of Law Enforcement Agencies: Current Status and Practices to Improve it. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 53–60. (In Russian). EDN: KHCEFZ. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-3-53-60.
17. Kostogryzov P.I. *Community Justice in the Countries of Latin America*. Moscow, YurLitinform Publ., 2018. 219 p.
18. Kostogryzov P.I. Community justice. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy = Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2021, no. 3, pp. 93–103. (In Russian). EDN: BOQEVH. DOI: 10.23951/2307-6119-2019-3-25-94-103.
19. Bannikov I.A. Notion of justice. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2017, no. 1, pp. 130–137. (In Russian). EDN: YRRUCT.
20. Miller R.M. Lynching in America: Some Context and Few Comment. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 2005, vol. 72, no. 3, pp. 275–291.
21. Smirnov A.M. *Vigilante Justice in Russia*. Moscow, Jurlitinform Publ., 2013. 384 p.

22. Martynenko B.K. Not legal phenomena: blood feud, mob killings. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2012, no. 3, pp. 34–37. (In Russian). EDN: PYTRTF.
23. Aman Shahida, Aman Shagufta. Understanding 'Failed States' and 'State Failure': Discourses and Limitations. *Pakistan Horizon*, 2015, vol. 68, no. 2, pp. 95–118.
24. Mazarr M.J. The Rise and Fall of the Failed-State Paradigm: Requiem for a Decade of Distraction. *Foreign Affairs*, 2014, vol. 93, no. 1, pp. 113–121.
25. Yoo J. Fixing Failed States. *California Law Review*, 2011, vol. 99, no. 1, pp. 95–150.
26. Kleymenov I.M. Criminal State: Introduction in Problem. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk State University. Series: Law*, 2013, no. 4, pp. 127–136. (In Russian). EDN: RXMLAV.
27. Ponomareva E.G. «Kosovo» Project: Mafia, NATO and Big Politics. *De Conspiratione*, 2019, pp. 331–522. (In Russian).
28. Correa-Cabrera G., Keck M., Nava J. Losing the Monopoly of Violence: The State, a Drug War and the Paramilitarization of Organized Crime in Mexico (2007–10). *State Crime Journal*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 77–95.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клеймёнов Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация; заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: klim798@mail.ru; SPIN-код: 4431-6452; AuthorID РИНЦ: 596245.

Клеймёнов Иван Михайлович — профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: pilgrim111@mail.ru; SPIN-код: 9166-9294; AuthorID РИНЦ: 343510.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Клеймёнов М.П. Криминальные сериалы современной России: криминологический анализ / М.П. Клеймёнов, И.М. Клеймёнов. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).429-438. — EDN VLNTPN // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 4. — С. 429–438.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kleymenov, Mikhail P. — Professor, Chair of Criminal Law and National Security, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation; Head, Chair of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Omsk, the Russian Federation; e-mail: klim798@mail.ru; SPIN-Code: 4431-6452; AuthorID RSCI: 596245.

Kleymenov, Ivan M. — Professor, Chair of Criminal Law, North Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: pilgrim111@mail.ru; SPIN-Code: 9166-9294; AuthorID RSCI: 343510.

FOR CITATION

Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. Crime Series of Modern Russia: a Criminological Analysis. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 429–438. (In Russian). EDN VLNTPN. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(4).429-438.